

Александр Степанович Грин

Львиный удар

Александр Степанович Грин

Львиный удар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=317682

Аннотация

И мёртвый лев может убить своего убийцу...

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	11

Александр Степанович Грин Львиный удар

I

Трайян только что вернулся с большого собрания Зурбаганской ложи всемирного теософического союза. Блестящее выступление Трайяна против Ордовы, сильнейшего оратора ложи, его могучий дар убеждения, основанного на точных данных современного материализма, его отточенная ирония и невероятная память, бросающая в связи с общим, стройным, как пламя свечи в безветрии, мировоззрением, – тысячи непоколебимых фактов, – лишили Ордову, под конец диспута, самообладания и твердости духа. Материализм, в лице Трайяна, получил, кроме шумных оваций, несколько десятков новообращенных, а Трайян, приехав домой, надел халат, сел поудобнее к железному, художественной работы камину, и красный трепет огня отразился в зрачках его веселых глаз, накрытых черными, крутыми и тонкими, как у красивых женщин, бровями.

Хотя Ордова не появлялся еще в нашем рассказе видимым и говорящим лицом, интересно все-таки отметить раз-

ницу в наружности противников, а наружность – в контрасте с их убеждениями. Знаменитый ученый-материалист Трайян обладал внешностью модного, балованного художника, в ее, так сказать, банальной транскрипции: пышный галстук, волосы черные и длинные, пышные, как и холеная борода, безукоризненной чистоты профиль, белая кожа; синий бархатный пиджак – впечатление одухотворенной изысканности; идеалист Ордова коротко стригся, лицом был некрасив и невзрачен и одевался в скверном магазине скверного готового платья. Странное заключение можно было бы сделать отсюда! Однако рассказ наш лежит не в шутке, и сравнение упомянутых лиц с ошибочно перепутанными масками – все, что мы можем себе позволить по этому поводу.

В кабинете, кроме Трайяна, сидел приехавший с ним генерал Лей, живой, ловкий и любезный старик, настоящий боевой человек, знающий смерть и раны... Леи был поклонником сражений, драки и состязаний вообще, неизменно оставаясь, когда это не касалось патриотизма, сторонником победителя; бой петухов, тарантулов, быков, бой – диспут ученых – серьезно, увлекательно волновали Лея; он принимал жизнь только в борьбе и лакомством считал поединки.

– Мне кажется, Ордова чувствует себя плохо, – сказал Лей, – и я менее всего хотел бы быть на его месте.

– Он все-таки убежденный человек, – заметил Трайян, – и я, если хотите, заставил его только молчать. Не он побежден сегодня, а его идейный авторитет.

– Ордова обезоружен.

– Да, я обезоружил его, но не покорил, что, впрочем, мне совершенно не нужно.

– Ордова крупный противник, – сказал Лей, – так как стоит на приятной, практически, для масс, точке зрения. «Я умираю, но я же и остаюсь», – какие великолепные перспективы!

– Он слабый противник, – возразил Трайян, – его заключения произвольны, аргументация беспорядочна и, так сказать, экзотична; эрудиция, обнимающая небольшое количество старинных, более поэтических чем научных книг, достойна всякого сожаления. «Организм умирает, дух остается!» – вот все: вера, выраженная восклицанием; соответственно настроенные умы, конечно, предпочтут этот выкрик данным науки. Однако, таких меньшинство, в чем я и убедил вас сегодняшним выступлением.

– Господин Ордова просит разрешения видеть вас! – сказал, появляясь в дверях, лакей.

Собеседники переглянулись; Трайян усмехнулся, пожав плечами. Лей просил от любопытства и нетерпения. Несколько мгновений Трайян молчал, обдумывая тон встречи, пока ему не показалось более уместным, как победителю, почтительное и серьезное отношение.

– Просите! – мягко сказал он и продолжал, подымаясь навстречу входившему Ордове: – Очень, очень мило с вашей стороны, что вы навели человека, искренне расположен-

ного к вам, помимо всяких теорий. Садитесь, прошу вас. Ордова – генерал Лей.

Невзрачное, грустное лицо Ордовы выразило легкое замешательство.

– В этот поздний час, господин Трайян, – сказал он таким же грустным, как и его лицо, но решительным и свободным голосом, – я пришел по немаловажному делу к вам лично.

Генерал поклонился и разочарованно протянул руку Трайяну.

– Как лишний, я удаляюсь...

Но Трайян знаком остановил его.

– Не уходите, Лей, я не хотел бы секретов и, вообще, никакой таинственности.

– Извините, – сказал Ордова, – я пришел с коротким, практическим предложением, но такого рода, что намек на третье лицо был нелишним. Если генерал Лей находится в курсе вопросов, рассмотренных в сегодняшнем заседании и не состоит членом общества покровительства животным, – я без задержек перейду к делу.

– Вопрос идет о животном? – спросил Трайян, рассматривая Ордову в упор.

– Однако я хотел бы избежать мистификации.

– Зачем? – искренно возразил Ордова, – когда можно обойтись без всякой мистификации!

– Я и генерал Лей слушаем вас, – коротко заявил Трайян.

Гость поклонился, и все сели; тогда Ордова заговорил:

– Для скептиков, людей предвзятого мнения, людей легкомысленных и людей искренне убежденных существует неотразимо повергающее их оружие – сила факта. Обстановка факта, внешняя и внутренняя его сторона должны быть наглядными и бесспорными. Могли ли бы вы, Трайян, быв очевидцем, даже действующим лицом факта бесспорного, опровергающего нечто весьма существенное в вашем мировоззрении, – явить мужество признанием власти факта?

Трайян подумал и, не найдя в словах Ордова ловушки, сказал:

– Приняв бесспорность факта существеннейшим и главнейшим условием – да, мог бы, как ученый и человек.

– Хорошо, – продолжал Ордова, – то, что я изложу далее, не требует с вашей стороны возражений. Вы можете просто, в худшем случае, пропустить это мимо ушей. Внимательное изучение древних восточных авторов, подтвержденное собственными моими опытами, привело меня к убеждению в действительном существовании Духа живой Жизни, духовной основы всякого организма. Естественная смерть существа никогда не бывает достаточно быстрой для того, чтобы освобождение, или исход Духа, произвело резкое впечатление на присутствующих; какими путями совершается это, донныне нам неизвестно, во всяком случае, постепенное освобождение духовной энергии в сравнении с мгновенным исхищением ее путем идеально быстрого уничтожения тела, почти неведомого природе, – относится одно к одному

так же, как взрыв пороха – к медленному его сгоранию. Под идеально быстрым уничтожением подразумеваю я не только предшествующий окончательной смерти полный паралич организма, как в случаях разрыва сердца или апоплексии, а полное сокрушение, обращение в бесформенную материю. Вам, Трайян, и вам, генерал, предлагаю я завтра в 12 часов дня быть свидетелями такой смерти, смерти сильного, здорового льва; мой выбор я остановил на этом звере ради его сравнительно небольших размеров, отвечающих условиям опыта, но, главным образом, в силу огромного количества невесомой таинственной энергии или Духа, заключенного в льве, как в носителе силы.

– Насколько я понял вас, – сказал Трайян, улыбаясь безобидно, как если бы речь шла о сложной и умной шалости, – освобожденный дух льва будет доступен моим физическим чувствам?! Но как и в какой мере?

– Как – не знаю, – серьезно сказал Ордова, – но, ручаюсь, в достаточно убедительной степени. Завод Трикатура отдал в мое распоряжение восьмисотпудовый паровой молот; молот убьет льва. Я не требую у вас участия в расходах по опыту, так как это моя затея; прошу лишь, после составления письменного акта о происшедшем, присоединить свою подпись.

– Согласен, – высокомерно сказал Трайян. – Лей, что вы думаете об этой истории?

Глаза Лея блеснули одушевлением и азартом.

– Я думаю... я думаю, – вскричал он, – что время до две-

надцати часов полудня покажется мне тысячелетней пыткой!

– Я жду вас, – сказал Ордова, прощаясь, затем, помолчав, прибавил: – Довольно трудно было найти льва, и я, кажется, немного переплатил за своего Регента. Я уйду. Не думайте о моих словах, как о шутке или безумстве.

Он вышел; когда дверь закрылась, Трайян сел за стол, уронил голову на руки и разразился истерическим, неудержимым, широким, страшным, гомерическим хохотом.

– Лев!.. – бросал он в редкие секунды затишья, – под паровым молотом!.. в лепешку!.. с хвостом и гривой!.. ведь этого не выдумаешь под страхом казни!.. О, Лей, Лей, как ни самоуверен Ордова, – все же я не ожидал одержать победу сегодня над таким жалким, таким позорно – для меня – жалким противником.

II

Лев, купленный Ордовой в зверинце Тоде, пятилетний светло-желтый самец крупных размеров, отправился в тесной и прочной клетке к месту уничтожения около одиннадцати часов утра. Льва звали Регент. Его сопровождал опытный укротитель Витрам, человек, в силу профессии, привычки и вдумчивости, любивший животных более, чем людей. Витрам ничего не знал о роковом будущем Регента. Он провожал его за плату, по приглашению, на загородный завод Трикатура; сидя на краю фуры автомобиля, он обращался время от времени к Регенту с ласковыми, одобрительными словами, на что лев отвечал раскатами короткого рева, подобного грому. Фура двигалась окольными улицами; во тьме плотно укутанной брезентовым чехлом клетки лев раздраженно переносил надоедливую оскорбительную тряску долгой езды, неловко прижавшись в угол, ударяя хвостом о прутья и мгновенно воспламеняясь гневом, когда более резкие толчки мостовой принуждали его менять положение. В таких случаях он ревел грозно и долго, с явным намерением устрашить таинственную силу движения, приводящую его, огненной силы, непокорное, мускулистое тело в состояние тягостной неустойчивости. Пойманный уже взрослым, он тосковал в неволе ровной, глухой тоской, лишенной всякого унижения, иногда отказываясь от пищи, если случай-

ный оттенок ее запаха терзал сердце неясными, как забытый, но яркий сон, чувствами свободного прошлого.

– Еще немного потерпи, рыжий, – сказал Витрам, завидев через далекие крыши построек черные башенные трубы завода, изливающие густой дым, – хотя, разорви меня на куски, я не сумею сказать тебе, зачем твое дикое величество переезжает в новое помещение.

Регент, зная по тону голоса, что Витрам обращается к нему, взревел на всю улицу.

– Сбрэндил, надо быть, какой-то состоятельный человек, – продолжал Витрам, – потянуло его к зоологии, вообразил он себя римским вельможей, из тех, что разгуливали в сопровождении гепардов и барсов, и купил нашего Регента. Тебя, старик, посадят в саду, на видном месте, среди так знакомой тебе тропической зелени. Вечером над фонтаном вспыхнет голубая электрическая луна; толпа близоруких щеголей, взяв под ручку молодых женщин со старческой душой и косметическим телом, займется снисходительной критикой твоей внешности, хвоста, движений, лап, мускулов, гривы...

Витрам умолк; лев рывкнул.

– А чем кормят львов? – осведомился шофер.

– Твоими ближними, – сказал Витрам, и шофер, думая, что услышал очень забавную вещь, громко захохотал. Минуту спустя, фургон проезжал мимо рынка; запах сырого мяса заставил Регента круто метнуться в клетке, и все его боль-

шое, тяжелое тело заныло от голода. Не зная, где мясо, так как тьма была полной, а запах, проникая в нее, властно щекотал обоняние, – лев несколько раз ударил лапами вниз и над головой, разыскивая обманчиво близкую пищу; но когти его встретили пустоту, и внезапная ярость зверя развернулась таким ревом, что на протяжении двух кварталов остановились прохожие, а Витрам хлопнул бичом по клетке, приглашая к терпению.

Наконец, въехав в ворота, фургон остановился у закопченного кирпичного здания, и Витрам, спрыгнув, подошел к слегка бледному, но спокойному Ордове. Тут же стояли Трайян и генерал Лей.

– Регент приехал, – сказал Витрам, – и так как вы, кроме этого, рассчитывали на мое искусство, – то я к вашим услугам.

Трайян, находя свое положение несколько глупым, молчал, решив ни во что не вмешиваться, но генерал выказал живое участие к хлопотам по сниманию и установке клетки вблизи парового молота.

Это гигантское сооружение терялось верхними частями в мраке неосвященного купола; из труб, слабо шипя, просачивался пахнувший железом и нефтью пар; молот был поднят, саженная площадь наковальни тускло блестела, подобно черной вечерней луже, огнем спущенных ламп.

Витрам еще не догадывался, в чем дело; он проворно развязывал веревки, снимал с клетки брезент; завод пустовал,

так как был праздник, и привести молот в действие должен был сам Ордова.

– Как же, Трайян, – сказал Лей, – отнесетесь вы к антрепренеру Ордове, если его постигнет фиаско?

– Очень просто, – хмуро заявил Трайян, смотревший на молот с нетерпением и брезгливостью, – я ударю его по лицу за жестокость и дерзость. Неужели вы, умный человек, ждете успеха?

– А... как сказать?! – возразил генерал с бесстыдством любопытного и жадного к зрелищам человека. – Пожалуй, жду и хочу всем сердцем необыкновенных вещей. Скажу вам откровенно, Трайян: хочется иногда явлений диких, странных, редких, – случаев необъяснимых; и я буду очень разочарован, если ничего не случится.

– Ренегат! – шутливо сказал Трайян. – Вчера вы аплодировали мне, кажется, искренне.

– Вполне, подтверждаю это, но вчера в высоте мгновения стояли вы, теперь же, пока что – лев.

– Посмотрите на льва, – сказал подходя Ордова, – как нравится вам это животное?

Брезент спал. Регент стоял в клетке, устремив на людей яркие неподвижные глаза. Его хвост двигался волнообразно и резко; могучая отчетливая мускулатура бедер и спины казалась высеченной из рыжего камня; он шевельнулся, и под шерстистой кожей плавно перелились мышцы; в страшной гриве за ухом робко белела приставшая к волосам бумажка.

– Хорош, и жалко его, – серьезно сказал Трайян.

Лей молчал. Витрам хмуро смотрел на льва. Ордова подошел к молоту, двинув рычаг для пробы двумя неполными поворотами; массивная стальная громада, легко порхнув книзу и вверх, не коснувшись наковальни, снова остановилась вверху, темнея в глубине купола.

– Ну, Витрам, – сказал, ласково улыбаясь, Ордова, – вы, дорогой мой, должны, как сказано, нам помочь. Регент вас слушается?

– Бывали ослушания, сударь, но небольшие, детские, так сказать, вообще он послушный зверь.

– Хорошо. Откройте в таком случае клетку и пригласите Регента взойти на эту наковальню.

– Зачем? – растерянно спросил Витрам, оглядываясь вокруг с улыбкой добродушного непонимания. – Льва на наковальню!?

– Вот именно! Однако не теряйтесь в догадках. Здесь происходит научный опыт. Лев будет убит молотом.

Витрам молчал. Глаза его со страхом и изумлением смотрели в глаза Ордовы, блестящие тихим, влажным светом непоколебимой уверенности.

– Слышишь, Регент, – сказал укротитель, – что приготовили для тебя в этом месте?

Не понимая его, но обеспокоенный нервным тоном, лев, с мордой, превращенной вдруг в сплошной оскал пасти, с виющимися вниз клыками верхней, грозной сморщенной челю-

сти, заревел глухо и злобно. Трайян отвернулся. Витрам, дав утихнуть зверю, сказал:

– Я отказываюсь.

– Тысяча рублей, – отдельно произнес Ордова, – за исполнение сказанного.

– Я даже не слышал, что вы сказали, – ответил Витрам, – я думал сейчас о льве... Такого льва трудно, господа, встретить, более способного и умного льва...

– Три тысячи, – сказал Ордова, повышая голос, – это нужно мне, Витрам, очень, необходимо нужно.

Витрам в волнении обошел кругом клетки и закурил.

– Господа! Я человек бедный, – сказал он с мукой на лице, – но нет ли другого способа произвести опыт? Этот слишком тяжел.

– Пять тысяч! – Ордова взял вялую руку Витрама и крепко пожал ее. – Решайтесь, милый. Пять тысяч очень хорошие деньги.

– Соблазн велик, – пробормотал укротитель, неподдельно презирая себя, когда, после короткого раздумья, остановился перед дверцей клетки с револьвером и хлыстом. – Регент, на эшафот! Прости старого друга!

Ордова, прикрепив к рычагу веревку, чтобы не очутиться в опасной близости к льву, и, обмотав конец привязи о кисть правой руки, поместился сажень в двух от молота. Трайян, желая избежать всякой возможности шарлатанства, тщательно осмотрелся. Он стал вдали от всяких предметов,

машин и нагромождений железа под электрической лампой, ровно озарявшей вокруг него пустой, в радиусе не менее двадцати футов, усыпанный песком, каменный пол; Лей стоял рядом с Трайяном; оба осмотрели револьверы, предупредительно выставив их, на худой случай, дулом вперед.

Витрам, звякнув в полной тишине ожидания запорами и задвижками, открыл клетку.

– Регент! – повелительно сказал он. – Вперед, ближе сюда, марш! – Лев вышел решительными крутыми шагами, потягиваясь и подозрительно щурясь; Витрам взмахнул хлыстом, отбежав к наковальне. – Сюда, сюда! – закричал он, стуча рукояткой хлыста по отполированному железу. Регент, опустив голову, неподвижно стоял, ленясь повторить знакомое и скучное упражнение. Приказания укротителя становились все резче и повелительнее, он повторял их, бешено шелкая хлыстом, тоном холодного гнева, расталкивая сопротивление льва взглядом и угрожающими жестами; и вот, решив отделаться, наконец, от докучного человека, Регент мягким усилием бросил свое стремительное тело на наковальню и выпрямился, зарывав вверх, откуда смотрела на него черная плоскость восьмисотпудовой тяжести, связанной с слабой рукой Ордовы крепкой веревкой.

Ордова качнул рычаг в тот момент, когда Витрам отскочил, закрыв лицо руками, чтобы не видеть размножения Регента, и молот мигнул вниз так быстро, что глаза зрителей едва уловили его падение. Глухой тяжкий удар огласил зда-

ние; в тот же момент толчок шумного, полного жалобных, стонущих голосов вихря опрокинул всех четырех людей, и, падая, каждый из них увидел высоко мечущийся огненный образ льва, с лапами, вытянутыми для удара.

Все, кроме Ордовы, встали; затем подошли к Ордове. Кровь льва, подтекая с наковальни, мешалась с его кровью, хлещущей из разодранного смертельно горла; жилет был сорван, и на посинелой груди, вспахав ее дымящимися рубцами, тянулся глубокий след львиных когтей, расплющенных секунду назад в бесформенное ничто.